

А. Г. Большаков, Е. В. Храмова

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУНАРОДНЫХ БИФУРКАЦИЙ

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Поступила в редакцию 15.03.2023 г.

Принята к публикации 17.04.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9

96

Для цитирования: *Большаков А. Г., Храмова Е. В. Политическая коммуникация в период международных бифуркаций // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2. С. 96 – 104. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9.*

Лавинообразный характер информационных потоков привел сегодня к деструктурированию всех коммуникационных связей в мировом пространстве. Политические коммуникации в этих условиях все более напоминают каналы с расширяющимися «черными ящиками» и некорректно используемым «белым шумом». Цель проведенного исследования состоит в определении специфики политической коммуникации в условиях международных бифуркаций. В основу методологии анализа положен синтез современных теорий – математического моделирования коммуникации К. Шеннона и У. Уивера, политической кибернетики Д. Истона, политической коммуникации Д. Дж. Лиллекера и П. Лазарсфельда, кризисной коммуникации Р. Улмера, Т. Селнау и М. Сиджера и теории игр с противоположными интересами. По результатам анализа выделены специфические характеристики современной политической коммуникации – ее технологический (непроцессный) характер, неклассическое взаимодействие коммуникатора и коммуниканта в ней, трансформация коммуниканта в «черный ящик», манипулятивность отношения к коммуникатору. Можно сделать базовый вывод о трансформации классических политических коммуникаций из процесса передачи информации в технологию взаимодействия ее участников в манипулятивном формате для принятия политических решений.

Ключевые слова: политическая коммуникация, международная бифуркация, политическое решение

Нарушение коммуникационных связей в социальных и политических структурах современного мира очевидно, в том числе и на уровне экспертно-научного сообщества. Проявления этого мы наблюдаем в различных сегментах общественной и политической жизни вне зависимости от места пребывания. К ним относятся кейсы массовой стрельбы в общественных местах или нарушений избирательного процесса посредством инструментов СМК, террористические акты или всплески социально-политической нестабильности в отдельно взятом регионе или стране. Причины перечисленных явлений обнаруживаются в издержках коммуникации разных типов, уровней и т. п. Особо заметными

издержки становятся в условиях дестабилизации вышеназванных социально-политических процессов и явлений, а особенно нарушения равновесия систем различной этиологии.

Достижение и сохранение состояния равновесия любой системы весьма непросто, будь то механическое в естественных науках, социальное в общественных науках или равновесие политической системы страны или мира. Большую роль в этом играют воздействия и взаимодействия как внутри, так и вне системы. В системе международных отношений советского периода истории нашего общества сохранению равновесия способствовал ее биполярный характер. И он, в свою очередь, тоже был достигнут посредством концентрации взаимодействий и во внутренней среде, и с внешней средой в условиях конкуренции двух государств – точек мирового притяжения. Причем большим достижением сторон стало использование ресурса специалистов по политическим коммуникациям самого высокого класса.

Так, за политическое признание Советской России в пользу налаживания отношений на поле нефтяных войн высказывался классик политических PR Айви Ли. Именно он по возвращении из СССР в записке Госдепартаменту предложил начать переговоры об установлении дипломатических отношений, одновременно урегулировав недоразумения в торговле «между двумя такими великими странами, как Россия и Соединенные Штаты» (цит. по: [14, с. 644]). Достигнутый баланс продержался почти семь десятилетий.

Основным актором, повлиявшим на разрушение этого баланса, выступили США после краха двухполярной мировой системы. Можно сказать, что потеря противовеса лишила США «тормозов». Достаточно рискованно говорить о том, что распад Советского Союза запустил механизм разгона США на инерционное движение в неуправляемый хаос, однако последствия, подвергнутые анализу теоретиков и практиков американской внешней политики и безопасности, говорят о многом. Что бы ни утверждали классики теории демократии, эта форма правления в меньшей степени системна, нежели любая другая, поскольку содержит большое количество рисков запуска неуправляемых (неконтролируемых) процессов, особенно процессов коммуникационных. Ведь именно словом, как свидетельствует народная мудрость, можно убить. Уточним: словом, сказанным или написанным человеком, не осознающим или нивелирующим значимость своей социальной ответственности. В результате сегмент коммуникаций власти и общества оказался в США самым недееспособным и «пошел под откос»: сначала некомпетентность пресс-секретарей президентов США, затем некомпетентность самих президентов. Новейшая история страны изобилует печально известными всему мировому сообществу кейсами, связанными с курьезными высказываниями и некорректным поведением последних.

В итоге уже другой эксперт – классик политологии, специалист по национальной безопасности и геополитике З.К. Бжезинский, ратовавший за доминирование США как единственной супердержавы, был

вынужден констатировать недостижение ожидаемых результатов, а, следовательно, и несостоятельность системы нацбезопасности страны. В частности, он отмечал: «Сегодня, двадцать лет спустя, мало кто видит Евросоюз серьезным политическим игроком в ближайшем будущем, и господствующее положение Америки на мировой арене тоже под вопросом» [2, с. 14].

Попытки анализа причин и последствий распада СССР для Соединенных Штатов в экспертном сообществе не прекращались все прошедшие тридцать лет. Впервые крупномасштабное научное мероприятие по этой теме прошло в США в 1993 г. (см. публикацию в журнале *National Interest*: [15]). Эта попытка рефлексии в принципе выявила неготовность американского, да и мирового, научного сообщества к такому исходу в развитии колосса СССР, а разброс мнений политологов, советологов и футурологов в рамках даже этого издания поляризовался от «виной распаду — экономическая несостоятельность» до откровенно фаталистических (просто «так сложились обстоятельства» и «Горбачёву повезло»).

Последствия такой «экспертной дихотомии» выразились в хаотизации практик «на земле». Во-первых, вопреки логике функционирования международных правительственных организаций продолжила свое существование и нарастила присутствие на евразийском материке НАТО, созданная «в защиту от угрозы советской экспансии». Логика здесь проста: нет Советского Союза — нет НАТО, а если альянс продолжает существовать, то требуется ответ на вопрос — каковы идеология и цель его существования? А если нет ответа на этот вопрос, то логично осознать потенциальную угрозу блока для Российской Федерации, де-юре — государства-продолжателя СССР.

Во-вторых, некоторая самонадеянность США и их партнеров (по блоку и иным правительственным и неправительственным организациям) в отношении бессрочного пребывания Российской Федерации в статусе «бензоколонки» на полях международных взаимодействий не оправдала себя. Даже экспертный пул западных советологов и россияне не сумел определить перспектив этого пребывания России в статусе политически зависимого субъекта. А гипотетически все было достаточно просто: государство с таким размером территории и объемом ресурсов, как РФ, не может долго находиться в зависимом положении. На это косвенно указывают исторический опыт, состояние долговых обязательств страны и прямо — «мюнхенская речь» В. В. Путина [10].

В-третьих, мы наблюдаем сегодня последствия интенсификации развития «информационного общества», приведшей к хаотизации коммуникационных процессов. В ее основе лежит наращивание объемов информационных потоков в геометрической прогрессии за последние 50—60 лет (с момента активизации пользования ЭВМ и глобальной сети). И здесь мы снова наблюдаем поляризацию явления — в данном случае параметра полезности цифровизации общества между технооптимистами и техноалармистами.

В-четвертых, по нашему мнению, сегодня мировое сообщество как никогда близко к состоянию потери ценностей и реструктуризации социальных норм (Э. Дюркгейм, Р. Мертон, Т. Парсонс). В отдельных западных странах эти проявления уже обращают на себя внимание. В частности, речь может идти о рассогласовании понимания нормы сексуального сосуществования в первоисточниках (Библия, Коран и др.) и в ее интерпретации современными социальными и политическими институтами (Ватиканом, парламентами ряда стран, рядом международных правительственных и неправительственных организаций).

Сегодня выход политических процессов мирового уровня из состояния нормы, а политических систем — из состояния равновесия обозначил ясную тенденцию бифуркационных всплесков. И они опять-таки были изначально инициированы ведомствами по обеспечению безопасности США в форматах массированных воздействий так называемых «цветных» и иного вида революций. Впоследствии технологии их реализации буквально «выпали» из рук Соединенных Штатов, и никто не захотел их «подбирать». Однако процессы воздействия на политические системы в ряде стран уже были запущены. Появились точки бифуркации, завязанные на сменах режимов через политические коммуникации, затем переросшие в акции протеста, а в ряде стран — и в акты терроризма. Участие политических акторов извне в процессах по смене политических режимов внутри ряда стран позволяет определять политические бифуркации как влияющие на международные процессы, то есть как международные.

С точки зрения теории понимание международных бифуркаций опирается на понятие «бифуркация» (от латинского *bifurcus* 'раздвоенный', 'вилка'), обозначающее точку кардинальной смены параметров субъекта (чаще всего системы). Исходя из такого понимания бифуркации определим международные бифуркации как «вилки» государственных систем с кардинальной сменой параметров государственности — экономических, политических, культурных, социальных. К ним мы относим любые ситуации социально-политического напряжения, в которых один из политических акторов ставит целью создать условия и применяет различный инструментарий для дестабилизации политической системы, вывода ее на точку смены какого-либо параметра ее. Чаще всего этим параметром выступает смена политического режима / власти, а технологией реализации — политическая коммуникация.

В классическом упрощенном варианте концепт «коммуникация» подразумевает процесс обмена информацией. В частности, медиасловари сегодня дают следующее обобщенное определение понятию коммуникации: это передача сообщений или информации от отправителя получателю без учета воздействия таких факторов, как контекст, средство (канал) коммуникации, коммуникативные коды и отношения и др., а также производство значений (смыслов) в процессе взаимодействия [9, с. 86]. Информация в этом контексте понимается как содержание любой осмысленной, целенаправленной коммуникации, сведения о явлениях, фактах, смыслах, ощущениях, передаваемые в рамках межличностной или технически опосредованной (медиатизированной)

коммуникации [9, с. 72]. Уточнение в понятие информации изначально было внесено классиками теории информации К. Шенноном и У. Уивером, которые вынесли за его рамки сведения, не трансформирующие неопределенность в информационном взаимодействии [3, с. 8].

В науках о языке принята трактовка понятия коммуникации скорее в социологическом ключе. Следуя от этимологии слова, лингвисты поясняют:

В латыни имя существительное *communicatio* значит то же, что «передача», «доведение», «связь», «разговор», а глагол *communico* — «сделать общим», «соединить», «передать известие». *Communio* — это «участие», «общность». Все эти лексемы происходят от глагола *munio*, который помимо всего прочего означает «строить», «сооружать», «прокладывать», «укрепить» (обнести валом, гарантировать, обеспечивать), «делать безопасным». Эти ссылки на латинский первоисточник позволяют понять, что коммуникация — это не только объяснение, но и становление сообщества [4, с. 466–467].

Особенно важным в этом плане, на наш взгляд, сегодня представляется концепт безопасности в трактовке «коммуницировать» как «обеспечивать безопасность» (*munio*). В этом контексте можно расширить понимание коммуникации: коммуницировать — значит нести социальную ответственность за сказанное. В медицине, например, это означает «не навреди».

В коммуникации задействованы два субъекта: коммуникатор — субъект, осуществляющий коммуникативное влияние, коммуникант — субъект, принимающий политическое решение и находящийся под коммуникативным влиянием, которое зачастую осуществляется не в его интересах, а чаще способствует реализации интересов других субъектов (коммуникаторов). Коммуникатор в поле современной науки может иметь характер адресата и получателя сообщения (информации). В первом случае имеется в виду та часть группы, получившей информацию в виде сообщения, для которой, собственно, оно и предназначалось отправителем, а во втором — та, что вне зависимости от желания отправителя получает эти же сообщения. В теориях медиа, политической науке и социологии первую группу маркируют как целевую аудиторию.

Ролевая смена коммуникатора и коммуниканта обеспечивает их взаимодействие на конкурентной основе с перспективой перехода на основу сотрудничества. Такой вариант перехода можно назвать бесконфликтной коммуникацией. Взаимодействие на конкурентной основе чаще всего признается конфликтной коммуникацией.

Содержание двух этих видов коммуникации отличается наличием конфликтогенов в случае конфликтной коммуникации.

Уточнение К. Шеннона и У. Уивера особо ценно для понимания содержания политической информации, которая формирует контент вполне конкретного содержания — контент, необходимый для разработки и принятия политического решения.

Черный ящик политической системы в политической кибернетике Д. Истона (см., напр.: [5]) трансформирует схему Шеннона — Уивера, в

корне меняя систему кодировки-раскодировки. Запрос на коммуникацию поступает от общества (коммуникатора) политической системе (коммуниканту), но коммуникант этот сегодня преобразован в «черный ящик», соответственно и информацию в канал обратной связи он выдает не как реакцию на запрос коммуникатора, а как политическое решение стабилизационного либо дестабилизационного характера, вплоть до вариантов белого шума (успокаивающее, убаюкивающее).

Иными словами, в современном политическом поле политическая коммуникация уже не процесс обмена информацией, а технология влияния на коммуниканта с целью принятия им нужного коммуникатору политического решения. Это решение должно способствовать достижению интересов коммуникатора.

Технологически это можно представить сквозь призму концепта одновременности коммуникации (реальной и воображаемой одновременности), обеспечиваемой средствами массовой информации без физического контакта [6, с. 343].

Д. Дж. Лиллекер считает, что политическая коммуникация должна стимулировать, провоцировать реакцию народа на действия правящей элиты, и выделяет в этом контексте троих участников политической коммуникации: политическую сферу (государство и политические деятели), негосударственных субъектов и избирателей [8, с. 10]. В такой дифференциации П. Лазарсфельд определяет группу «пограничников» между негосударственными субъектами и общей массой (или избирателями) в лице лидеров общественного мнения, влияющих на аудиторию (см.: [3, с. 11]). Р. Улмер, Т. Селлнау и М. Сиджер уточняют, что в ситуации кризисных коммуникаций субъекты политической сферы должны выстраивать партнерские отношения с массовым сообществом посредством инструментов СМИ. Власть дается рекомендация при управлении кризисом рассматривать участников событий и СМИ как партнеров. Тем самым авторы фиксируют неоднородность аудитории воздействия [13, с. 60]. Такая неоднородность, несомненно, свидетельствует об усложнении системы коммуникации власти и аудитории.

Некоторые отечественные авторы считают, что инициативы государства должны находить поддержку у населения; в свою очередь государство должно чувствовать и своевременно реагировать на сигналы из общества, понимать процессы, которые там происходят. Этот непрямой диалог власти и общества детерминирует обособление института средств массовой информации, делает его самостоятельным субъектом политики, экономики, социального развития [7, с. 288].

Х. Арендт в принципе представляет власть как результат коммуникационных процессов. «Власть (power), – говорит она, – соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе. Когда мы говорим о ком-то, что он находится “у власти”, мы на самом деле говорим, что некоторое число людей облекло

его властью действовать от их имени» [1, с. 52]. По сути же, все теоретики политической коммуникации признают такую как неотъемлемую и / или функциональную часть политической системы [5, с. 21].

Фактор неотъемлемости политической коммуникации от политической системы и фактор усложнения системы коммуникации власти с аудиторией в совокупности наталкивают на мысль о необходимости и наличии неких политических субъектов (акторов), которые будут осуществлять экспертное сопровождение политических коммуникаций в стратегическом контексте реализации глобальной политики. Ряд авторов эту роль отводят «фабрикам мысли» государств или межгосударственных объединений. С этих позиций «фабрики мысли» входят в когорту генераторов международно-политической экспертизы и аналитики в глобальном информационно-интеллектуальном пространстве. Если раньше экспертность генераторов подтверждалась их институциональной принадлежностью (руководитель государства, его официальный пресс-секретарь, министр иностранных дел и др.), то сегодня на уровне генераторов институционализировались «фабрики мысли», которым доверяет общественное мнение [11, с. 209].

Рассматривая политическую коммуникацию сквозь призму теории игр, можно представить ее как технологию игры, в которой принимают участие три категории лиц: профессионалы, принимающие решения; чиновники, обеспечивающие их принятие; рядовые граждане, выступающие в роли наблюдателей. При этом язык простых людей и язык профессиональных дипломатов и бюрократов сегодня принципиально расходятся [12]. Именно поэтому обыватель (или «народ») при всей современной доступности ему представителей власти в коммуникационном пространстве, не имеет в игре политической коммуникации веса субъекта. Он по-прежнему остается управляемым объектом. Причиной тому некоторые авторы называют язык. Особенно характерно это для международно-политического поля.

Так, инструментально игра политической коммуникации ведется при помощи современного языка международных взаимодействий. По мнению А. Волина, «в настоящее время мы становимся свидетелями отчасти парадоксальной картины: для ритуального общения, переговоров и конференций, международных организаций у нас используется профессиональный язык, который особенно хорош для того, чтобы скрывать свои мысли и ни о чем не договориться. Это язык процесса, но не принятия решений. Он слишком обтекаем для того, чтобы на нем можно было бы четко и ясно выразить свои интересы» (цит. по: [12]). В условиях международных бифуркаций игра политической коммуникации усложняется.

Политические коммуникации приобрели характер взаимодействия субъектов коммуникации и в большей массе представляют собой манипулятивные игры. В этой игре участники перекладывают ответственность за принятие политического решения друг на друга. В самом радикальном варианте развития ситуации с использованием коммуникации как технологии акторы отказываются от взаимодействия, оставляя в использовании только силовые технологии.

Таким образом, изменившийся характер информационных потоков и инструментария их обработки в политическом сегменте сделал коммуникацию одной из технологий по перераспределению этих потоков. Коммуниканты в лице политических институтов трансформировались в «черные ящики» по преобразованию информации с явно манипулятивными целями. Акторы в игре по принятию решения перекладывают ответственность за него друг на друга. все это в совокупности приводит к повышению уровня виртуальной и реальной агрессии политической коммуникации, находящей выход в радикализации, экстремистских и террористических проявлениях.

Список литературы

1. *Арендт Х.* О насилии / пер. Г.М. Дашевского. М., 2014.
2. *Бжезинский З.* Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / пер. М.Н. Десятовой. М., 2015.
3. *Болотова А.К., Жуков Ю.М.* Психология коммуникаций. М., 2015.
4. *Бугайски М.* Язык коммуникации / пер. Э. Артеменко. Харьков, 2010.
5. *Волденков С.В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М., 2015.
6. *Кернберг О.* Конфликт, лидерство, идеология в группах и организация. М., 2018.
7. *Кириллова Н.Б.* Медиалогия. М., 2015.
8. *Лиллекер Д.* Политическая коммуникация. Ключевые концепты / пер. С.И. Остнек. Харьков, 2021.
9. *Отечественная теория медиа: Основные понятия : словарь* / под ред. Е.Л. Вартановой. М., 2019.
10. *Путин В.В.* Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10.02.2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 10.03.2023).
11. *Столетов О.В.* Стратегия «разумной силы» в политике глобального лидерства. М., 2018.
12. *Торин А.* Политическая коммуникация в условиях глобальных изменений // *Международная жизнь*. 28.06.2020. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26784> (дата обращения: 10.03.2023).
13. *Улмер Р., Селлау Т., Сиджер М.* Эффективная кризисная коммуникация / пер. А. Науменко. Харьков, 2011.
14. *Фурсенко А.А.* Династия Рокфеллеров; Нефтяные войны (конец XIX — начало XX века). М., 2015.
15. *The National Interest*. 1993. №31. Special Issue: The Strange Death of Soviet Communism.

Об авторах

Андрей Георгиевич Большаков — д-р полит. наук, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Евгения Валерьевна Храмова — канд. полит. наук, доц., Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

E-mail: eugenlic@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7281-8731>

A. G. Bolshakov, E. V. Khramova

**POLITICAL COMMUNICATION IN THE PERIOD
OF INTERNATIONAL BIFURCATIONS**

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Received 15 March 2023

Accepted 17 April 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9

104

To cite this article: Bolshakov A.G., Khramova E.V. 2023, Political communication in the period of international bifurcations, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 96–104. doi: 10.5922/sikbfu-2023-2-9.

The avalanche-like nature of information flows has led today to the destructuring of all communication links in the world. Political communications under these conditions look more and more like channels with expanding "black boxes" and improperly used "white noise". The purpose of this analysis is to identify the specifics of political communication under conditions of international bifurcations. The methodology of the analysis is based on the symbiosis of modern theories: mathematical modeling of communication by C. Shannon and W. Weaver, political cybernetics by D. Easton, political communication by D.J. Lilleker and P. Lazarsfeld, crisis communication by R. Ulmer, T. Sellnau and M. Seager, and game theory with opposing interests. According to the results of the analysis the specific characteristics of modern political communication are distinguished: its technological (not process) character, non-classical interaction of the communicator and the communicant in it, the transformation of the communicant into a "black box", and the manipulative attitude to the communicator. It is possible to draw a basic conclusion about the transformation of classical political communications from the process of information transfer into the technology of mutual interaction of its participants in a manipulative format for political decision-making.

Keywords: political communication, international bifurcation, political decision

The authors

Prof. Andrey G. Bolshakov, Head of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: bolshakov_andrei@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5036-000X>

Dr Eugenia V. Khramova, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia.

E-mail: eugenlic@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7281-8731>